
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ольга Савинская, Анна Истомина

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ УСЛУГИ ДЛЯ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Статья посвящена изучению пространственного конструирования социальных услуг для ребенка и семьи в Центрах социальной помощи семье и детям в Москве. На основе концепций экологической модели и пространственной диалектики предлагается новый подход к изучению потребностей семей с детьми в социальных услугах: учет пространственных характеристик предоставления услуг. Описываются и систематизируются трудности или барьеры, с которыми сталкиваются вовлеченные в практики оказания услуг социальные субъекты: руководители организаций, специалисты-практики, работающие с семьями, и члены семей – родители и дети. Для изучения их мнений применена многометодная стратегия сбора данных, учитывающая социальные характеристики каждого социального субъекта. В качестве методов сбора данных использованы фокус-групповые и индивидуальные интервью. Эмпирическую базу (собранную в марте-июне 2016 г.), составили две фокус-группы с участием 22 специалистов из 12 московских Центров социальной помощи семье и детям и 47 интервью с детьми и их родителями (или их замещающими). На втором (дополнительном) количественном этапе применен метод онлайн-анкетирования руководителей и заместителей Центров и филиалов. Анкету заполнили 44 человека из 19 Центров.

Ольга Борисовна Савинская – к. с. н., доцент, департамент социологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Электронная почта: osavinskaya@hse.ru

Анна Геннадьевна Истомина – аспирантка, департамент социологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Электронная почта: anna.genn.istomina@gmail.com

Основная цель количественного этапа – триангуляция и конвергенция данных о пространстве оказания социальных услуг в Центрах социальной помощи семье и детям Москвы. Доступность услуги для семей с малой мобильностью (ребенок с инвалидностью/раннего возраста) предполагает удобство передвижения до места получения услуги. Делается акцент на развитии услуг, повышающих мобильность маломобильных граждан, в том числе развитии услуг на дому и услуг по сопровождению ребенка по городу.

Ключевые слова: семьи с детьми, экологическая модель, доступность социальной услуги, маломобильность, пространственные характеристики социальной услуги

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-491-506

Пространство осуществления социальных услуг для семей с детьми является частью городской среды, к качеству которой современные семьи предъявляют все больше требований. Результаты недавних исследований свидетельствуют о формирующемся запросе российских семей на дружелюбную городскую среду: удобное для осуществления разных активностей, открытое, легко доступное для взрослых с детьми городское пространство. Так, мобильность и возможность повседневных перемещений становится значимой ценностью для современных родителей (в особенности) городского среднего класса (Шпаковская, Чернова 2017: 166). Эти данные отчасти согласуются с другим исследованием, согласно которому территориальная доступность обозначается родителями, детьми и экспертами в качестве одного из четырех «целевых факторов» «развития городской доброжелательности» к детям наряду с безопасностью, комфортностью и направленностью на развитие (Филипова и др. 2016). Мы обратимся к проблеме территориальной доступности социальных услуг, поместив ее в широкий контекст «города, дружественного/дружелюбного детям», концепта имеющего почти десятилетнюю историю международного и российского осмысления и применения на практике. Он предполагает, что реконструируя и развивая городское пространство в самых разных его проявлениях, учитывается образ жизни, интересы и возможности детей (ЮНИСЕФ 2019), принимая их как равноправных горожан, имеющих свое «право на город» (Лефевр 2015).

В 2013 г. принят Федеральный закон 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», установивший принципы предоставления социальных услуг разным категориям граждан, в том числе семьям с детьми. Принятие закона сопровождалось реформированием системы социального обслуживания, в частности, сети государственных Центров социальной помощи семье и детям (далее – Центры). Этот закон и новая практика предоставления социальных услуг для семей с детьми вызвали неоднозначные оценки специалистов. Закон подвергся критике

по следующим причинам: во-первых, он в большей степени ориентирован на пожилых, и в меньшей – на семьи с детьми; во-вторых, заложенный количественный подход к услуге нивелирует ее социальный смысл, поскольку критерием эффективности работы Центров считается количество услуг, а не качество их предоставления или влияние на благополучие ребенка и семьи (Савинская и др. 2016б); в-третьих, закон предполагает бюрократизацию и сложность процесса получения статуса нуждаемости. Наконец, как мы покажем в этой статье, при рассмотрении социальной услуги доминирует статичная концептуальная оптика, оставляющая за пределами пространственное измерение социальной услуги, которая зачастую оказывается решающей при оценке качества ее оказания.

Как отмечают исследователи, невозможно игнорировать влияние мобильности и динамичности современного мира, в особенности, жизни в мегаполисах на конфигурацию и воспроизводство социальных отношений (Sheller, Urry 2006; Elliott, Urry 2010; Урри 2012), в том числе тех, которые возникают в сфере социальной помощи семье и детям (Ferguson 2004; 2009; 2010). Присоединяясь к этому подходу, мы заменили традиционный статичный фокус мобильной пространственной оптикой рассмотрения качества социальных услуг семьям и соответствия этих услуг городскому семейному образу жизни. Мы анализируем пространственные характеристики оказания социальных услуг для семей с детьми Центрами социальной помощи, включая пространственную доступность услуги и место ее оказания, а также барьеры, риски и возможности улучшения качества услуг за счет корректировки их пространственных характеристик.

Экологическая модель социальной услуги

Теоретической рамкой в исследовании выступают экологическая модель Ури Бронфенбрэннера (Bronfenbrenner 1979; 1993) и концепция пространственной диалектики Анри Лефевра (Лефевр 2015; Jeyasingham 2014). Модель Бронфенбрэннера рассматривает экологическую среду ребенка как состоящую из четырех подсистем: микро, мезо, экзо и хроно. В этой модели, с одной стороны, подчеркивается, влияние различных социальных институтов (школа, социальные службы) на развитие ребенка, а, с другой – акцентируется внимание на том, что семья и пространство дома, где протекает большая часть жизни человека, образуют наиболее важный экологический контекст, способствующий «моделированию ролей и стимулированию адаптационных процессов» (Климова 2001: 251). Таким образом, с точки зрения влияния на благополучие семьи и ребенка надомные социальные услуги (при прочих равных условиях) рассматриваются как потенциально более эффективные, чем (полу)стационарные.

В то же время адаптация идей пространственной диалектики Лефевра для рассмотрения социальной сферы позволяет выявить особенности

пространственного конструирования социальной услуги, складывающейся на пересечении репрезентаций пространства и пространственных практик поставщика (Центра) и получателя социальной услуги (ребенка и его семьи). Пространство, по мнению Лефевра, следует рассматривать через совмещение трех перспектив: пространственной практики, репрезентаций пространства и пространства репрезентаций. Понятие «пространственной практики» отсылает к пониманию пространства как аспекта нашего повседневного опыта, наших рутинных практик (Лефевр 2015). Анализируя практику социальной работы, Дхарман Джейсинхам отмечает, что источником ее структуризации являются не только «явные процедурные императивы», но и набор норм, регулирующих «пространственные практики социальных работников», самоочевидные для них, но не всегда очевидные для получателей услуг (Jeyasingham 2014: 1884). Социальные работники склонны по-разному воспринимать пространства офиса и мест, где осуществляется услуга. Например, если офис может восприниматься как обеспечивающее «отсрочку от места работы» и «безопасное место», то дом, где проживает получатель услуги, наоборот, как «небезопасное место» (Ibid). Джейсинхам рассматривает производство пространственной практики социальных услуг из перспективы социального работника, оставляя за рамками перспективу получателей услуги. Под последней мы понимаем представление (потенциальных получателей) о том, где, в каком месте и в какое время они готовы получить ту или иную социальную услугу. Для того чтобы социальное обслуживание вписывалось в контекст семьи, становилось частью благотворно влияющего на благополучие семей экологического окружения, социальные услуги должны начинаться с изучения пространственных практик семей и поиска точек соприкосновения между перспективами носителя социальной услуги и его получателя.

Понятие «репрезентация пространства», по Лефевру, обозначает «пространство задуманное, пространство ученых, планировщиков, урбанистов, «кроящих» и «организующих» технократов». В этой системе координат пространство репрезентируется с помощью «вербальных, то есть разработанных интеллектом знаков» (Лефевр 2015: 52) и имеет не только дискурсивно-знаковый аспект, но и материальный: за картой с нанесенными на нее пиктограммами учреждений социальной сферы стоят материальные здания и сооружения, парковочные стоянки, дороги и трассы, ведущие к ним. В Москве репрезентации пространства социальной услуги отражены в законодательно закреплённой регламентации их предоставления, регламентации пространственной гибкости между районами и административными округами города. Несмотря на экстерриториальный принцип оказания услуг, за каждым Центром закрепляется свой район обслуживания. Кроме того, пространственное конструирование социальной услуги без учета пространственных практик ее получателей может привести к тому, что многие могут быть выведены за границы пространства оказания социальной услуги.

Пространство репрезентации – это физическое пространство, «переживаемое через сопутствующие ему образы и символы» телесно (Лефевр 2015: 44). Проявления жизненного пространства не всегда поддаются вербальной фиксации (словесному описанию), иногда они проявляются какими-то иными способами, например, через жесты и мимику. Ключом к пониманию проживаемого пространства может быть эмоциональный и телесный опыт. Однако такой опыт не всегда поддается рефлексии, тем более сложно отследить находит ли он выход в изменениях пространственных практик (Jeyasingham 2014: 1890–1891). В применении к анализу Центров это понятие помогает анализировать нарративы его посетителей, в которых они раскрывают опыт посещения и перемещений по городу для осуществления визита. Дорога в Центр вписывается в целостный образ социальной услуги: удобная дорога делает его субъективно ближе, а услугу – комфортнее.

Социальные услуги в городском пространстве: надомные и полустационарные

В основе дизайна этого исследования лежит стратегия смешивания методов (Савинская и др. 2016а) с применением параллельного триангуляционного дизайна (Creswell et al. 2011). Первый, качественный, этап исследования нацелен на прояснение соотношений репрезентаций пространства оказания социальной услуги (где, в какое время и как социальным работникам предписывается предоставлять социальную услугу) с пространственными практиками оказания (где, в какое время и как социальные работники осуществляют социальные услуги) и получения (где, в какое время и как семьи с детьми готовы получать социальную услугу). В качестве методов сбора данных использованы фокус-групповые и индивидуальные интервью. Эмпирическую базу (собранную в марте-июне 2016 г.), составили две фокус-группы¹ с участием 22 специалистов из 12 московских Центров социальной помощи семье и детям и 47 интервью² с детьми и их родителями (или лицами их заменяющими). Параллельно для триангуляции и конвергенции качественных данных реализован второй, количественный этап, в ходе которого проведено онлайн-анкетирование руководителей и заместителей Центров и их филиалов.

Социальное обслуживание является частью экологической системы, в которой проживает семья. Она является многоуровневой, и разные уровни оказывают разное влияние на жизнь ребенка. Самым близким и существенным для семьи и ребенка является уровень дома (микросистема по Бронфенбреннеру). Именно поэтому предполагается, что оказание услуг на дому оказывает наиболее благоприятное влияние на поведение и самочувствие

¹ Далее по тексту используется условные обозначения двух фокус-групп – ФГ1 и ФГ2.

² В тексте используются условные обозначения для каждого из интервью: И1, И2 и т. д.

ребенка и родителей. На уровне российского законодательства (Федеральный закон 2013) установлены три формы оказания социальных услуг, отличающихся местом и временем их предоставления: полустационарные, стационарные и надомные. В Центрах Москвы предоставляются, по преимуществу, первые две формы. При этом специалисты Центров отмечают, что основной перечень социальных услуг, предоставляемых в надомной форме по закону, ориентирован на пенсионеров (ФГ1, ФГ2). Услуг на дому для семей с детьми немного и они редки.

Одна из основных услуг, о которой получатели говорят как о востребованной — услуга «помощника в семью». Такой специалист работает в семье, реализуя краткосрочные и долгосрочные цели. Длительность его работы и степень вовлеченности в жизненное пространство получателя услуги варьируются. В случаях, когда помощник посещает семью разово для решения конкретной задачи (например, присмотреть за детьми многодетной матери-одиночки на период ее пребывания в больнице с другим ребенком), не приходится говорить о долгосрочном влиянии социального работника. Однако краткосрочный эффект существенен для сохранения благополучия семьи. Когда домашний помощник назначается на более длительный срок, то его целью является целенаправленная квалифицированная психологическая и консультационная помощь семье, в ходе которой он ведет наблюдение за членами семьи в естественных условиях, выявляет и корректирует те или иные семейные проблемы.

Другие пространства, например, школа, детский сад являются частью естественной экосистемы, где протекает значительная часть жизни ребенка. Эти мезо-пространства также могут влиять на его интеллектуальное, эмоциональное, психологическое здоровье и благополучие. В то же время пространство Центра — это еще одно место развития ребенка. Полустационарная форма предполагает пребывание ребенка на территории Центра в течение нескольких часов в зависимости от вида социальной услуги и особенностей конкретного Центра. Отчасти это напоминает пребывание в школе или детском саду: ребенок вовлечен в групповые виды деятельности с другими детьми и получает присмотр, частично уход и воспитание со стороны специалистов Центра.

Однако в отличие от помощи на дому, в школе или детском саду, оказание услуг на территории Центров может осложняться «транспортным барьером». Репрезентация пространственного расположения Центров на карте (рис. 1) демонстрирует неравномерность их распределения по территории Москвы. Удаленность Центров от места жительства конкретных семей зачастую становится причиной отказа последних от получения таких необходимых услуг как группы кратковременного пребывания «Передышка»¹, мастер-

¹ Передышка (*respite care*) — социальная услуга, дающая возможность москвичам, находящимся в трудной жизненной ситуации, оставлять детей на несколько часов в группах кратковременного пребывания.

классы для родителей, занятия в кружках для ребенка. Если путь до Центра занимает почти столько же времени, сколько оказание услуги (до 40 минут в один конец при двух часах групповых занятий), то она рассматривается как нецелесообразная. Если семьи не имеют возможности самостоятельно доехать до Центра, то они лишены такой «передышки».

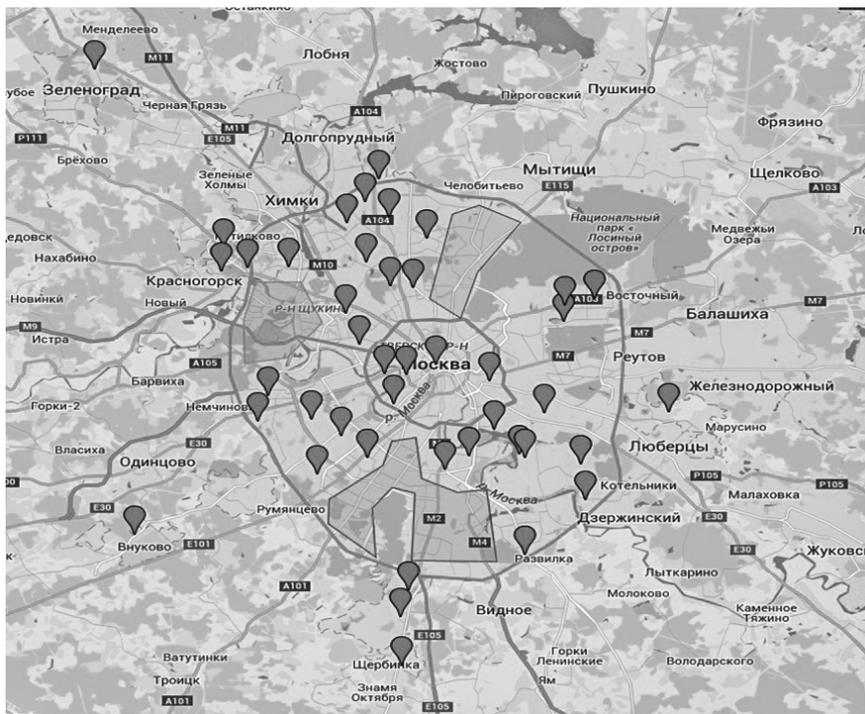

Рисунок 1. Расположение центров социальной помощи семье и детям (без филиалов), данные на конец 2015 г.

Преодоление пространственного барьера возможно за счет расширения услуги социального такси или пополнения автопарка Центров. Транспортное средство (автомобиль, автобус), как показывают исследования, может быть не просто «посредником», обеспечивающим пространственную связность для получателя услуги, но и местом оказания услуги (Ferguson 2009). Специалисты высказывают идею о транспортном средстве (в частности, экскурсионных автобусах) как о способе разнообразить социально-педагогические услуги через их предоставление в таких местах, как музеи, парки, выставочные залы. В таком случае автобус может становиться местом оказания услуг.

Помимо пространственной отдаленности Центров, барьеры получения социальной услуги могут быть обусловлены пространственными практиками

семей. Например, уход за маленькими детьми или детьми с инвалидностью не позволяет некоторым родителям отвести других детей в Центр для получения полустационарных услуг. Выходом из этой ситуации может быть услуга по сопровождению ребенка по городу, которая в данный момент апробируется в некоторых Центрах:

Маленького не отпускаю, только вот со старшим братом. Одного, конечно, нет, но мне предложили здесь услугу. Я тогда сказала, что не могу ребенка водить, а мне сказали, что может прийти человек, который заберет со школы, уроки поможет сделать ему (И16, многодетная мама с детьми с ограниченными возможностями здоровья).

Другим решением проблемы могла бы стать услуга социального такси. Но введение социального такси как «репрезентации пространства» (по Лефевру) должно производиться с учетом фактического местоположения получателей услуги и их образа жизни или «пространства репрезентации». Так, некоторые родители склонны описывать социальное такси как место с повышенными рисками: например, с неопределённостью личности водителя. Об отсутствии необходимости социального такси говорят те, кто описывает пространство от дома до Центра как «пешую доступность», кто привык самостоятельно доставлять ребенка на собственном или общественном транспорте, кто посещает его вместе с ребенком, и те, кому уже предоставлен помощник, сопровождающий ребенка. Эти группы родителей, решив свои проблемы, не считают важным расширять доступность услуг для других родителей, испытывающих трудности в транспортировке ребенка.

Учет пространственных практик при конструировании услуг для детей до трех лет

На основе оценок специалистов и получателей услуги (родителей) изучалась возможность введения в Центрах новой услуги по присмотру за детьми в возрасте до трех лет на территории Центра и на дому (услуги няни). Полученные в ходе интервью ответы позволили прояснить восприятие возможных мест получения такой услуги из двух перспектив – получателя и специалистов Центров.

Как уже отмечено, пространство социальных услуг включает в себя практики передвижения социальных работников и получателей услуг. В нашем исследовании выявлены схожие представления работников Центров с теми, что были описаны в исследовании Джейсингама (Jeyasingham 2014). Обсуждение возможности введения услуги присмотра за детьми на дому сопровождалось описанием дома как места с повышенными рисками (опасного места) для специалистов. Источником рисков виделось право собственников (родителей детей) на это пространство, «вседозволенность» внутри него. Дом получателя услуги виделся как место с возможными

инфекциями, болезнями. Специалисты Центров высказывали опасения, что клиенты могут связывать нахождение сотрудника в пространстве дома с незаконными намерениями, чтобы скрыть собственные преступления (например, побои детей):

Вы понимаете, есть семьи с жестоким обращением с детьми. Есть группа семей, где родители, нанеся побои ребёнку, говорят, что, «вот он получил это вот там-то». Если няня приходит в отсутствие... [родителей], то потом можно предъявить претензии, [что побои были нанесены няней] (ФГ1).

Определение мест как «опасных» может способствовать изменению пространственных практик социальных работников. Материалы фокус-групп показывают, что в некоторых случаях работники негласно договариваются о том, чтобы прекратить социальное сопровождение семьи, когда получатели услуг становятся слишком обременительными, опасными, неподконтрольными:

1: А вы не хотите на сопровождение семью поставить?

2: Ее ставили на сопровождение. У неё ребенок даже с восьмого этажа выпал с двухъярусной кровати и живой остался, кстати. Но сам образ жизни и коттедж, где она теперь живет... Ну там просто сказать «бомжатник» – это ничего не сказать.

1: Если сопровождение, то в опеку ей нужно.

2: Ну, в опеку она состояла некоторое время и её в итоге с этого сняли, и она больше не стоит там.

1: Потому что с ней никто не хочет связываться, и её снимают.

3: Ну, там не норма, и это понятно (ФГ2).

Отдельный интерес для пространственного конструирования социальной услуги представляют пространственные практики потенциальных получателей услуг. Некоторые информанты описывают дом как приватное пространство, доступ к которому разрешен самым близким родственникам. Это понимание приватности хорошо выразили «многодетные» информантки – много детей у того, кто их любит, а значит «тянет сам», без помощи посторонних лиц, в том числе нянь. Потребность в «приватизации» пространства и функций ухода может усиливаться, если ребенок имеет ограничения в развитии и требует индивидуального подхода, который, по мнению матери, могут дать только родители:

Не все, тем более многодетные мамы, могут позволить с ней [няней] ребенка [оставить]... Даже бесплатно не оставляют! Поэтому они и многодетные. Потому что они любят детей, и они сами тянут их (И16, многодетная мама с детьми с ограниченными возможностями здоровья).

Артикулируются и более рациональные основания для отказа в услуге няни: в случае, когда практика ухода уже сложилась, родитель может справиться с присмотром за младшими детьми самостоятельно: «*Мы в принципе справляемся сами... Я сосредоточено могу [справляться] и с детьми, и с задачами по дому*» (И27, многодетная мама, 7 детей). Поскольку работа няни в пространстве квартиры у некоторых родителей ассоциируется с риском для безопасности семьи, они ратуют за иные услуги. В частности, это могут быть прогулки социального работника с детьми на территории, близлежащей к дому, но не пересекающей граница дома. Другие потенциальные получатели услуг заявляют, что могли бы доверить ребенка няне или воспитателю в «другом помещении» – например, в пространстве Центра. И, наконец, некоторые родители в качестве подходящего пространства ухода за ребенком видят более привычные детские сады, в которых под одной крышей функционировали бы не только образовательные, но и социальные услуги:

Мне кажется, если мама заводит ребёнка, то они как-то сами должны справляться. Тем более, до трёх лет у нас декрет, а потом у нас есть детские садики, ясли (И5, мама-одиночка, один ребенок).

Таким образом, при введении надомной услуги няни должна учитываться готовность потенциальных получателей воспринимать пространство своего дома и Центра в качестве подходящих мест для получения услуги. В случае, когда роль социальной няни непривычна, то оказание услуги присмотра в такой форме может сопровождаться нарушением естественного окружения семьи или ухудшением ее экологии. Как показывает Джейсингхам (Jeyasingham 2014), сами пространственные практики имеют достаточно гибкую природу и с течением времени могут трансформироваться. С этой точки зрения, дискурсивно отрицательные описания фигуры няни не обязательно связаны с устойчивыми аттитюдами, а включение услуги в новый опыт может перетечь в рутинную пространственную практику.

Полустационарные и надомные услуги: количественная оценка

Для того чтобы проверить собранные на качественном этапе материалы, свидетельствующие о нераспространенности надомных услуг для семей с детьми, востребованности другого ассортимента услуг и о рисках их оказания, проведен опрос среди руководителей и заместителей Центров. В опросе приняли участие 32 человека из 19 учреждений, из них 59% – директора (представляющие все 19 Центров), 22% – заместители директоров, 19% – руководители филиалов. Для изучения спектра услуг, оказываемых Центрами, использовались формулировки из «Стандартов социальных услуг по формам социального обслуживания и видам социальных услуг» (Приказ 2015), реализуемого в Москве. Результаты опроса,

хотя и имеющего ограничения в связи с малым количеством респондентов, выявили согласованность качественных и количественных данных.

Таблица 1.

Количественные оценки практик предоставления услуг

	Распространенность услуги, в%	Оценка уровня востребованности услуг (по 7-балльной шкале)	Оценка уровня возникновения правовых трудностей (по 5-балльной шкале)
Услуги, оказываемые в Центре: полустационарная форма			
Социально-психологические услуги	100	6,6	1,3
Социально-правовые услуги	96,9	6,4	1,2
Срочные социальные услуги	93,8	6,4	1,7
Социально-бытовые услуги	93,8	6,3	1,2
Социально-педагогические услуги	75,0	6,3	1,6
Продуктовая материальная помощь	78,1	6,5	1,7
Вещевая материальная помощь	78,1	6,4	1,7
Социально-трудовые услуги	37,5	5,3	2,1
Социально-медицинские услуги	31,3	5,7	2,2
Услуги, оказываемые на дому получателя услуги			
Услуги в целях повышения коммуникативного потенциала инвалидов и детей-инвалидов	14,8	6,0	2,2
Социально-психологические услуги	6,3	5,4	2,2
Социально-педагогические услуги	6,3	5,3	2,3
Социально-правовые услуги	6,3	5,3	2,3
Социально-бытовые услуги	3,1	5,4	2,5
Денежная материальная помощь	3,1	6,4	2,2
Социально-медицинские услуги	0	5,1	2,2
Социально-трудовые услуги	0	5,0	2,1

Данные опроса (табл. 1) согласуются с данными качественного этапа. Основным местом оказания услуг респондентами считается пространство

Центра, где оказываются в основном полустационарные услуги, среди которых наиболее популярны социально-психологические, социально-правовые и социально-бытовые. Денежная материальная помощь предоставляется на дому только в редких случаях: когда обстоятельства в семье не позволяют дееспособным членам семьи быть мобильными на этапе оформления или получения услуги. Целесообразным респондентам видится и преимущественное оказание срочных услуг в помещении Центра, особенно если эти услуги связаны с проблемами в доме (например, насилие в семье). Другие услуги, такие как социально-бытовые, социально-педагогические и социально-психологические могли бы быть полезными при оказании на дому. Однако, как показывает опрос, помощь семьям с детьми на дому получателя практически не оказывается: только 6% отметили факт оказания надомных услуг. Вместе с тем с точки зрения руководителей, полустационарные услуги являются наиболее популярными и востребованными.

Такие оценки отражают то, что руководители стремятся демонстрировать соответствие оказываемых услуг их востребованности. Примечательно, что наиболее популярные услуги вызывают меньше правовых затруднений: руководители Центров уверены, что оказывают их юридически верно. Таким образом, социальные услуги семье и детям сконцентрированы в пространстве Центра, а обсуждение расширения пространственных практик и вместе с этим институциональных пространственных репрезентаций только начинается. Так, новый московский стандарт оказания социальных услуг (Приказ 2015) включает в себя списки «дополнительных» услуг, которые предполагают услуги по сопровождению ребенка по городу.

Таким образом, результаты обоих этапов исследования показали, что наиболее комфортное для детей и семей пространство дома (микроуровень экологической системы) пока не является востребованным и практически используемым пространством для оказания услуг ребенку и его семье. Риски доверия при взаимодействии высказывались как со стороны специалистов, предоставляющих услугу, «репрезентирующих» пространство, так и со стороны получателей услуг. Вместе с тем пространство близкое к дому, но находящееся вне его, так же как и пространство города, оказывается более подходящим для развития нового вида услуг по сопровождению мобильности ребенка.

Заключение

На основе концептов репрезентации пространства и пространственных практик нами проведен анализ оказания социальных услуг (социально-бытовых, социально-педагогических, социально-психологических) семьям с детьми. Полученные результаты указывают на необходимость учитывать при принятии управленческих решений пространственную многомерность социальной услуги. В частности, ее пространственное конструирование

должно основываться на принципах доступности физического пространства. Выявлено, что репрезентации пространственного расположения Центров отражают неравномерность их распределения по районам Москвы: некоторые семьи с детьми оказываются существенно дальше к месту оказания услуги, чем другие. Это актуализирует потребность потенциальных получателей в услугах по сопровождению ребенка в перемещениях по городу. Несмотря на наличие в стандартах (Приказ 2015) надомных услуг и услуг по сопровождению детей по городу, практика их оказания остается слабо распространенной. В то же время исследование подтверждает готовность Центров к их внедрению и даже заинтересованность в присвоении социальному такси/автобусу новых пространственных статусов: к примеру, оно может стать местом социально-педагогических и социально-психологических услуг.

Выбор релевантного пространства для оказания каждой новой социальной услуги должен учитывать специфику пространственных практик получателей социальных услуг и социальных работников. Основным местом оказания социально-психологических, социально-педагогических, социально-бытовых услуг остается пространство Центров; тогда как услуги на дому практически не оказываются. Такие услуги как помощник или няня на дому сопровождаются рисками и низким взаимным доверием. В то же время сложившиеся пространственные практики не должны рассматриваться в качестве барьера для расширения пространства оказываемой социальной помощи: внедрение социально-психологических, социально-бытовых, социально-педагогических и иных надомных услуг должно сопровождаться риск-менеджментом и работой, связанной со снижением взаимного недоверия со стороны получателей и социальных работников.

Выражение признательности

Статья подготовлена при поддержке Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы и АНО «Совет по вопросам управления и развития». Авторы выражают благодарность коллегам из Центров социальной помощи семье и детям за содействие в организации и проведении полевого сбора данных.

Список источников

Климова Ю. А. (2001) Социальная работа с семьями детей с ограниченными возможностями. *Мир психологии*, 2 (26): 243–253.

Лефевр А. (2015) *Производство пространства*. Москва: Strelka Press.

Приказ Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы (2015) *Об утверждении стандартов социальных услуг* № 739 от 26 августа 2015 г.

Савинская О. Б., Истомина А. Г., Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д. (2016а) Концептуальные представления о стратегиях смешивания методов (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии. *Социологические исследования*, (8): 21–29.

- Савинская О. Б., Истомина А. Г., Чалых К. В. (2016) *Новые социальные услуги для семей с детьми в Москве: потребности и практика реализации*. Москва: Акварель.
- Урри Дж. (2012) *Мобильности*. Москва: Практикс.
- Федеральный закон (2013) *Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации* № 442-ФЗ от 28 декабря 2013 г.
- Филипова А. Г., Костина Е. Ю., Ракитина Н. Э. (2016) Доброжелательность городской среды к детям: от экспертных оценок к построению когнитивной карты предметной области. *Universum*, 10 (28). Доступно по ссылке: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/3822> (дата обращения: 23 января 2017).
- Шпаковская Л. Л., Чернова Ж. В. (2017) Город, дружественный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (2): 160–177.
- ЮНИСЕФ (2019) *Город, дружественный детям и подросткам*. Доступно по ссылке: <https://www.unicef.by/deti-v-gorode/> (дата обращения: 5 августа 2019).
- Bronfenbrenner U. (1993) Ecological Models of Human Development. In: M. Gauvain, M. Cole (eds.) *Readings on the development of children*. New York: Freeman: 37–43.
- Bronfenbrenner U. (1979) *The Ecology of Human Development*. Cambridge: Harvard University Press.
- Creswell J. W., Plano Clark V.L. (2011) *Designing and Conducting Mixed Methods Research*. Thousand Oaks: SAGE.
- Elliott A., Urry J. (2010) *Mobile Lives*. London: Routledge.
- Ferguson H. (2009) Driven to Care: The Car, Automobility and Social Work. *Mobilities*, 4 (2): 275–293.
- Ferguson H. (2004) *Protecting Children in Time: Child Abuse, Child Protection and the Consequences of Modernity*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Ferguson H. (2010) Therapeutic Journeys: The Car as a Vehicle for Working with Children and Families and Theorising Practice. *Journal of Social Work Practice*, 24 (2): 121–38.
- Jeyasingham D. (2014) The Production of Space in Children's Social Work: Insights from Henri Lefebvre's Spatial Dialectics. *British Journal of Social Work*, (44): 1879–1894.
- Sheller M., Urry J. (2006) The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning*, 38 (2): 207–226.

Olga Savinskaya, Anna Istomina

THE SPATIAL CONSTRUCTION OF SOCIAL SERVICES FOR FAMILIES WITH CHILDREN

This article examines the spatial construction of social services for children and families within Centres for Social Assistance to Families and Children (Centres) in Moscow. Spatial barriers faced by social actors— heads of Centres, practitioners/social workers, and family members— are described and systematized. A mixed methods approach was used for data collection, analysis and synthesis. Interviews and focus-groups were conducted with parents and children during the first part of the research; surveys with heads and workers of Centres were conducted in the second part. Based on the Bronfenbrenner's ecological model and the Lefebvre's spatial dialectics framework, a new approach for estimation of service quality is offered that focuses on the spatial characteristics of services provision when studying the needs of families and children. The traditional approach to services provision by the Centres is discussed to in those cases when the social centre is not close to the child's home, an escort service to social centre is needed, otherwise the service should be provided at the child's home. The research confirmed the hypothesis and revealed that the availability to social services for families with limited mobility children (disabled or early age) is related to transport accessibility to the place where services are offered. Opportunities for mobility through services for limited mobility citizens should be provided, including social services at home and escort services for families with children. The research concludes that escort services for children are in demand but absent in many social organizations.

Key words: families with children, ecological model, accessibility of social services, limited mobility, spatial characteristics of social services

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-491-506

References

- Bronfenbrenner U. (1979) *The Ecology of Human Development*. Cambridge: Harvard University Press.
- Bronfenbrenner U. (1993) Ecological Models of Human Development. In: M. Gauvain, M. Cole (eds.) *Readings on the Development of Children*. New York: Freeman: 37–43.
- Creswell J. W., Plano Clark V. L. (2011) *Designing and Conducting Mixed Methods Research*. Thousand Oaks: SAGE.

Olga Savinskaya— PhD (Kandidat Nauk) in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, NRU Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. Email: osavinskaya@hse.ru

Anna Istomina— Doctoral Student, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, NRU Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. Email: anna.genn.istomina@gmail.com

- Elliott A., Urry J. (2010) *Mobile Lives*. London: Routledge.
- Federal Law (2013) *Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii* [On the Principles of Social Service for Citizens in Russian Federation] N 442-FZ from 28 December 2013.
- Ferguson H. (2004) *Protecting Children in Time: Child Abuse, Child Protection and the Consequences of Modernity*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Ferguson H. (2009) Driven to Care: The Car, Automobility and Social Work. *Mobilities*, 4 (2): 275–293.
- Ferguson H. (2010) Therapeutic Journeys: The Car as a Vehicle for Working with Children and Families and Theorising Practice. *Journal of Social Work Practice*, 24 (2): 121–138.
- Filipova A. G., Kostina E. Yu., Rakitina N. E. (2016) Dobrozhelatel'nost' gorodskoi srede k detyam: ot ekspertnykh otsenok k postroeniyu kognitivnoi karty predmetnoi oblasti [Goodwill of the Urban Environment to Children: From Expert Estimates to Creation of the Cognitive Map of the Subject Domain]. *Universum*, 10 (28). Available at: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/3822> (accessed 23 January 2017).
- Jeyasingham D. (2014) The Production of Space in Children's Social Work: Insights from Henri Lefebvre's Spatial Dialectics. *British Journal of Social Work*, (44): 1879–1894.
- Klimova Yu. A. (2001) Sotsial'naya rabota s sem'yami detei s ogranichennymi vozmozhnostyami [Social Work with Families of Children with Disabilities]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 2 (26): 243–253.
- Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva*. [The Production of Space]. Moscow: Strelka Press.
- Municipal Order from Labour and Social Protection Department of Moscow City (2015) *Ob utverzhdenii standartov sotsial'nykh uslug* [Approving Social Service Standards] N 739 from 26.08.2015.
- Savinskaya O. B., Istomina A. G., Larkina T. Yu., Kruglova, K. D. (2016a) Kontseptual'nye predstavleniya o strategiyakh smeshivaniya metodov: etapy razvitiya i sovremennye diskussii [Conceptual Ideas about Strategies of Mixing Methods (Mixed Methods Research): The Stages of Development and Contemporary Debates]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies], (8): 21–29.
- Savinskaya O. B., Istomina A. G., Chalykh K. V. (2016b) *Novye sotsial'nye uslugi dlya semei s det'mi v Moskve: potrebnosti i praktika realizatsii*. [New Social Services for Families with Children in Moscow: Needs and Practices of Implementation]. Moscow: Akvarel.
- Sheller M., Urry J. (2006) The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning*, 38 (2): 207–226.
- Shpakovskaya L. L., Chernova Zh. V. (2017) Gorod, družhestvennyi sem'e: novoe publichnoe prostranstvo dlya detei i ikh roditel'ei [Family-Friendly City: New Public Space for Children and their Parents]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (2): 160–177.
- UNICEF (2019) *Gorod, družhestvennyi detyam I podrostkam* [A city Friendly to Children and Teenagers]. Available at: <https://www.unicef.by/deti-v-gorode/> (accessed 5 August 2019).
- Urry J. (2012) *Mbil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praxis.